— Привет, — говорит мальчик и выполняет идеальный поклон, согнувшись на девяносто градусов. — Меня зовут Мидория Изуку! Может кто-нибудь показать мне, где тут у вас демоны?

Эйдзиро смотрит на незнакомца — мальчика, стоящего перед дверью в общежитие. А потом переводит взгляд на экран своего телефона, убеждаясь, что доставщик пиццы на самом деле ещё не прибыл.

Эйдзиро смотрит на стоящего рядом с ним Каминари (который выглядит несколько удрученным отсутствием пиццы). Каминари в ответ глядит на Эйдзиро.

Они оба косятся на единственного обитателя гостиной — развалившуюся на диване Дзиро.

Дзиро, почувствовав, как эти двое молчаливо передали ей ответственный пост Главного Мужика в Доме, вздыхает и поднимается со своего места.

— Показать где у нас что? — она спрашивает, а затем, вздёрнув бровь: — Погоди, а ты кто такой?

— Мидория Изуку, — повторяет паренёк, как-то одновременно радостно и терпеливо. Он не кажется обиженным на отсутствие тёплого приема.

— Никогда о тебе не слышала, — прямо заявляет Дзиро. — Ты с факультета Общего Образования?

Мидория Изуку моргает комично большими, аж до мультяшности, глазами. А сколько вообще лет этому парню? Он заметно ниже ростом, чем Эйдзиро и Каминари. Честно говоря, малость смахивает на младшеклассника-переростка. «Нет», — медленно произносит он. И затем задумчиво хмыкает, опуская наземь самый большой рюкзак, который Эйдзиро когда-либо видел. На глазах у всех он приседает на корточки и целую минуту копается в рюкзаке.

Эйдзиро думает, что мальчику следовало бы кое-что прояснить, прежде чем, м-м-м, вот так заниматься своими делами, но…

— Ага! — восклицает Мидория Изуку, вытаскивая… пульт?

— Это Nokia первого поколения? — Каминари, как всегда, вылезает вперёд всех, немного наклонившись, чтобы получше рассмотреть.

— Угук, — дружелюбно отзывается мальчик, выдвигая антенну и нажимая несколько кнопок на этой… штуковине.

Дзиро незаметно для Эйдзиро выходит на крыльцо:

— Ни одной раньше не видела, — удивляется она, хотя в её голосе всё ещё слышится нотка подозрения.

— Этой штуке типа много веков, чувак! — Каминари взволнован, поэтому Эйдзиро понимает: это какая-то вещь для компьютерных фанатов, что также должно объяснить и интерес Дзиро. — Где ты её раздобыл, в музее?

— Вроде того, — щебечет мальчик и обращается к кому-то через своё устройство: — Алло, директор-сан? Да. Хм-м, нет. А, вот оно как? Хорошо. Должен ли я?.. Ах, да. М-м. Без проблем. Нет. Верно, верно… Он хочет поговорить с кем-либо из вас.

Каминари смотрит на устройство, которое мальчишка передает ему, как на Золотой глобус.

— Я правда могу прикоснуться к нему? — благоговейно спрашивает он, но прежде, чем Каминари успевает протянуть руку, Дзиро выхватывает устройство, которое, как в этот момент понимает Эйдзиро, является чем-то вроде древнего телефона. — Эй, Дзиро!

Дзиро игнорирует вопль коварно преданного Каминари; её лицо внезапно застывает, когда она разговаривает с кем-то по телефону: «Верно. Конечно, сэр. Да, понимаю». Затем она возвращает Мидории его телефон и смеряет мальчика весьма странным взглядом.

— «Сэр»? Это ещё кто такой? — интересуется Эйдзиро.

Дзиро моргает:

— Директор Нэзу, — произносит она, и брови Эйдзиро взмывают практически до линии волос. — Он сказал впустить парня и подождать, пока сюда не приедет Айзава-сенсей.

Эйдзиро смотрит на Каминари. Каминари смотрит на Эйдзиро. Оба смотрят на Дзиро. Дзиро смотрит на Мидорию:

— У тебя что, директор Нэзу на быстром наборе?

— Думаю, скорее наоборот, — отвечает Мидория.

«Пицца здесь!» — объявляет курьер по домофону.

В общежитии царит атмосфера лености и неги — в выходные все заняты своими делами. Яойёрозу справляет день рождения своей родственницы; Цую пригласила Урараку, Мину и Хагакурэ к себе домой; Иида навещает брата; Бакуго занят бог знает чем и так далее. Эйдзиро практически уверен, что Такоями и Одзиро играют в новую VR-игру наверху, и он задаётся вопросом, стоит ли их позвать, ведь…

— Спасибо, — благодарит Мидория. По крайней мере, у него хватает такта сначала прожевать и проглотить, а уж потом разговаривать. Он пожирает уже третий ломтик. — Уже много лет не пробовал пиццу и забыл, как хороша она на вкус.

Каминари, благослови его сердце, пододвигает к нему стакан с водой. Мидория хватает его и опустошает за один присест. Дзиро, благослови её сердце, снова наполняет стакан.

Этот парень голодает или что-то в этом роде?

— Э-э-э, Мидория-кун, — интересуется Эйдзиро, не слишком понимая, как бы это выразить словами. — Так кто ты, говоришь, такой?

Мидория снова моргает своими непотребно огромными глазищами:

— Разве я не представился?

Он представлялся. Это просто не помогло.

— Мидория-кун, — Дзиро вмешивается по праву обладания извилинами в мозгу, — ты ученик академии UA?

— Нет.

И трое ребят напротив него выпрямляются на месте.

— И тебя впустили? — изумляется Дзиро, а в её голосе проскальзывает что-то твердое. Настороженное.

Эйдзиро тоже немного напрягается и знает: Каминари чувствует то же самое. Трудно не напрягаться, когда уже дважды пережил вторжение злодеев.

— Я бы не сказал, что меня именно впустили, — говорит Мидория, чем только усугубляет ситуацию. Эйдзиро внезапно осознает тот факт, что они, трое идиотов, просто пригласили незнакомого парня в свой дом (и дали ему пиццу) без какой-либо проверки. Он пристально смотрит на своих одноклассников. Что, если телефонный звонок был результатом действия Причуды или чем-то ещё в этом роде?

Хотя Мидория действительно выглядит безобидным. Вообще-то его телосложение едва ли крепче, чем у Дзиро, и мальчишка кажется просто утонувшим под огромной изношенной толстовкой с капюшоном. Эйдзиро косится на выцветший принт со Всемогущим на груди, а затем на буйную копну зеленых волос, подбритую снизу и с боков.

(Хотя этот здоровенный шрам на черепе сбоку выглядит прямо незаметным, ага.)

Но кто его знает? И этот огромный рюкзак; что, если…

Но нет, должны же были его обыскать на предмет оружия и прочего? И проверить документы на проходной, верно?

— Извините, а можно мне салфетку? Мои руки все жирные.

— Конечно, чувак, — отзывается Каминари, и Мидория блаженно не обращает внимания на то, как они трое общаются друг с другом глазами: «Если всё скатится в дерьмо…» «Я возьму его, а ты охраняешь дверь». «Уверены?» «Ага». «Сделаем всё быстро». «Сначала надо его обезвредить». «А потом позовём на помощь?» «Хорошо».

— Ты лично знаком с Нэзу? — подталкивает Эйдзиро.

— Вроде того? Не то чтобы это было прям личное знакомство, — отвечает Мидория, стирая жир с пальцев. Его толстовка с капюшоном настолько велика, что кисти едва выглядывают из-под рукавов. — Видите ли, он платит мне за визит.

Это откровение достаточно странное, чтобы заставить всех троих потерять бдительность.

— Что?.. — начинает Дзиро, но тут Айзава-сенсей без стука заходит в дверь.

Трое подростков смотрят на Айзаву. Тот смотрит на них в ответ. За Айзавой-сенсеем, как обычно, следует Шинсо, который не смотрит на них, потому что в настоящий момент зыркает на Мидорию, как будто на оживший труп.

Вышеупомянутый оживший труп встает и дружелюбно произносит:

— Привет! Я Мидория Изуку. Вы можете показать мне, где тут демоны? Между прочим, я ваш

большой фанат, — а затем без малейшей паузы продолжает: — Эй, Хитоши, как дела? Ты не сказал мне, что тоже в этом классе.

«Странный день», — решает Эйдзиро. И он-то думал, будто становится скучновато!

— Что?

— Я не повторяю свои слова дважды, Каминари, — по своему обыкновению, ворчит Айзава-сенсей.

— Нет, нет, подожди, — Каминари снова закоротило. — Что?

Эйдзиро может только посочувствовать.

— Почему? — недоверчиво требует ответа Дзиро. — Это из-за инцидента с трусами Серо? Так в этом виноват Каминари, а не призраки.

— Эй, это был не я!

Источник всей загадки в настоящее время роется в чертовски огромном рюкзаке на полу посреди гостиной, а остальные окружают его, с болезненным любопытством наблюдая за ним, будто за зверем в зоопарке, который делает свои дела.

— Так никто из вас не может показать мне, где находятся демоны, а? Что ж, проблематично… хм, — задумчиво бормочет Мидория Изуку, извлекая вещь за вещью из своей торбы.

А это разве не…

— А это у тебя не офуда? [1] — спрашивает Дзиро.

Он выкладывает стопками офуда. В гостиной. В доме, где они живут.

И их к тому же целая куча! Какого хрена?

Эйдзиро смотрит на Айзаву-сенсея, который выглядит так, будто не склонен ни отвечать на их животрепещущие вопросы, ни подробно рассказывать о том, что, чёрт возьми, происходит. Эйдзиро сглатывает и говорит:

— Мидория-кун… так ты… экзорцист?

— М-м. Можно и так сказать, — соглашается Мидория. Он даже не думает прекращать свои действия. Достаёт кисть для каллиграфии и бутылку чернил — и начинает писать. Затем он передает один амулет Эйдзиро: — Потом повесь его на дверь своей комнаты.

Эйдзиро, честно говоря, не хочет прикасаться к этой штуке, но все равно берёт её. Эйдзиро смотрит на талисман. А потом снова.

— Здесь просто написано «отъебись» на кандзи [2],— говорит он Мидории.

— Это очень эффективно, — Мидория заверяет Эйдзиро.

— Что, чёрт возьми, происходит? — вопрошает комнату Дзиро.

— Я экзорцист, — напоминает ей Мидория, как будто это всё объясняет. — Ну, в некотором роде экзорцист, если можно так выразиться.

— И что это вообще означает?

На этот раз Мидория действительно изволит прерваться — то есть перестаёт писать «отъебись» на талисманах и всё такое.

— Хм, — он поджимает губы, будто серьёзно обдумывает вопрос Джиро, — что ж, тебе угодно, чтобы я подробно остановился на истоках теизма и анимизма или лучше сразу перейти к демонологии?

Прежде чем Эйдзиро успевает распаковать хоть часть той фигни, которая свалилась ему на голову, Айзава-сэнсей, похоже, решает выбросить к чертям весь чемодан:

— У нас нет на это времени, — заявляет он на удивление прямолинейно, впрочем, как и всегда. Даже в такой ситуации он кажется скучающим, словно экзорцист в общежитии UA — самое что ни на есть тривиальное событие. — Просто делай свою работу… или чего там Нэзу хочет, чтобы ты сделал.

— Конечно! — Мидория весело хлопает в ладоши. — Ладно, приступим. Вы можете повесить их на каждую дверь в здании, включая двери ванных и туалетов?

Эйдзиро чувствует себя несколько беспомощным и отстранённым, принимая связку отъебись-талисманов.

— Мы собираемся игнорировать ту часть с демонами? — говорит Каминари, который выглядит потрясённым. — Типа ту часть, в которой нам заявили, будто демоны реальны и преследуют общежитие?

— Это шутка? — Дзиро смотрит на своего учителя. — Демонов не существует.

— Спорно, — дружелюбно замечает Мидория, передавая пачку офуда в руки Дзиро.

Айзава стоит в углу скрестив руки, как всегда невозмутимый. А Хитоши хранит молчание ещё с той самой «эй, Хитоши, как дела?» реплики.

— Исполняйте то, о чём он попросит, — наказывает Айзава ученикам, которые недоверчиво глазеют в ответ. — Просто разберитесь с этим поскорее. Как думаешь, сколько времени тебе потребуется?

— Может, пятнадцать минут, — говорит Мидория, протягивая отнюдь не горящему энтузиазмом Каминари его порцию офуда. — Или два часа. Кто знает? Ах, ты тоже помоги мне, Хитоши! — тот принимает свою долю с возмущённым и довольно беспомощным раздражением на лице.

— Хорошо, все за работу! — Мидория замолкает на мгновение. — Подождите, а как, напомните, вас зовут?

Эйдзиро, Каминари и Дзиро смотрят друг на друга. Правильно. Они и не представились. Трудно вспомнить о базовых формальностях со всем этим… всем.

— Киришима.

— Каминари.

— …Дзиро.

— Ясно, ясно. О! Хм-м-м, — и тут Мидория подскакивает к Каминари с задумчивым выражением на лице.

— Ч-что? — Каминари, ясное дело, испуганно отшатывается из-за неуважения Мидории к его личному пространству.

— Хм-м… — Мидория осматривает Каминари с головы до пят и внезапно на удивление крепко вцепляется в его плечи: — Электричество? Причуда излучающего типа?

Эйдзиро пялится в изумлении. Он краем глаза замечает, как Шинсо сжимает переносицу пальцами. Каминари удивленно моргает:

— Да… Как ты…

— Ты идеален! — объявляет Мидория в пустоту, не вдаваясь в подробности. — Каминари-сан, ты пойдёшь со мной. Дзиро-сан, хм… Да, это сработает. Тоже со мной.

Теперь Мидория кружит вокруг Дзиро и Каминари и бормочет себе под нос, прикрыв рот рукой:

— Ладно, ладно, ясненько. Немного олдскульно, но должно получиться интересно. Хм. Тогда Киришима-сан пойдёт вместе с Хитоши! Не волнуйся, Хитоши уже должен знать, как это работает. В конце концов, он…

— Я же сказал тебе, — Шинсо перебивает Мидорию скорее возмущённым, чем раздражённым тоном, — я не твой…

— …мой ассистент! Хорошо, ассистенты Каминари-сан и Дзиро-сан, следуйте за мной! — Мидория делает два шага, затем останавливается и оборачивается. — Вообще-то, я никогда здесь не был. Кто-нибудь может показать мне, где второй этаж? Ой, погодите, для начала стоило бы зайти в туалет. Вся эта вода начинает проситься наружу.

Когда Мидория с этой парочкой наконец скрываются за лестницей, Эйдзиро поворачивается к Шинсо.

Шинсо — недавнее пополнение их класса. Его приняли после того, как вышибли Минету (событие, достойное пышного празднества). Эйдзиро считает Шинсо любимчиком Айзавы-сэнсея — не то чтобы он завидовал или типа того, просто забавно наблюдать, как эти двое расхаживают вместе, будто парочка спальных мешков в мрачных тонах.

Шинсо — тихий и не слишком хорошо ассимилировавшийся среди остальных подросток (во многом из-за того, что он перешёл в их класс не сразу… а также из-за того случая с Одзиро на Спортивном фестивале). Хотя с самим Эйдзиро он ладит неплохо, по крайней мере, Эйдзиро нравится так думать. Но какая бы напряжённость ни сохранялась между ними, её стоит развеять прямо сейчас, учитывая всю ту дичь, которая творится с этим фруктом Мидорией.

— Ты, очевидно, знаком с этим чуваком, — заговаривает Эйдзиро. В конце концов, он уже обращается к Шинсо по имени при общении. — Что с ним вообще такое, можешь объяснить?

Шинсо выглядит немного удручённым всей этой ситуацией:

— Он… — Шинсо запинается. — Мой сосед. Живёт неподалёку от меня.

— Ла-а-адно, — на самом деле это ничего не объясняет, однако он это примет. — Но… ты… его ассистент?

— Да ни хрена подобного! — вскидывается Шинсо. — Просто… Иногда… Я натыкаюсь на него, когда он творит своё дерьмо, и… Ну, ты понял.

«Творит своё дерьмо». Эйдзиро смотрит на связку отъебись-талисманов в своих руках. Почерк не слишком аккуратный.

— Что, вандализм?

— Знаешь, — говорит Каминари, когда они поднимаются по лестнице. — Я вообще-то типа суперхреново секу во всех этих оккультных штучках.

— Этого не должно происходить, — бормочет про себя Кёка.

— Не стоит волноваться, не стоит, — заверяет их Мидория. Сзади шрам на его голове гораздо более заметен, он скользит под кудрями от виска к затылку: выпуклая, жилковатая плоть. Эта деталь сильно контрастирует с его детским лицом. — Мы в полной безопасности.

— Я действительно не люблю призраков, знаешь ли, — бубнит Каминари.

— А я не могу поверить, что Нэзу нанимает кого-то для изгнания демонов из общежития, — замечает Кёка. — Без обид, но на дворе у нас что, дремучий двадцать первый век?

Она не может понять, почему именно Нэзу всё это затеял. Разве у директора не должно быть до ужаса зашкаливающего IQ? Как кто-то настолько умный может верить в существование сверхъестественного?

— Знаете, у вашего директора отличное зрение, — замечание Мидории одновременно и дружелюбно, и небрежно игнорирует сопротивление Кёки и Каминари.

— Отличное зрение? — кажется, Каминари готов наложить в штаны. — Что ты под этим подразумеваешь? Что он видел?

Кёка награждает его тычком под рёбра и яростным взглядом, в котором ясно читается: «Соберись, чувак!» Она всё ещё не верит, что изо всех людей именно Айзава-сэнсей подыгрывает… этому. Разве всяческая хрень с логическими уловками — не его фишка? А какая часть происходящего сейчас безобразия хоть сколько-нибудь логична?

— А ещё замечательный слух, на самом-то деле, — Мидория улыбается Кёке, и его улыбка милая, дружелюбная и немного детская. — Хотя и не настолько замечательный, как твой.

Кёка моргает. Она знает, что физическое проявление Причуды её выдаёт, но…

— Как ты?..

— Это только я, — вмешивается Каминари, — или второй этаж охрененно жуткий? Почему, чёрт возьми, здесь не горит ни единой лампы?

— Этаж Токоями, — напоминает ему Кёка. Токоями ценит темноту. — А сейчас всего четыре часа дня, чувак. Держи себя в руках.

Разве демоны не шастают только по ночам или типа того? Не то чтобы они существовали, конечно.

Что-то гремит в конце коридора.

— Каминари, — медленно говорит Кёка, — отцепись от меня.

— Но… демоны… — скулит Каминари.

— Их не существует.

Здесь довольно темно. В конце длинного коридора имеется окно, однако льющийся из него свет — тусклый, несмотря на ранний час. Наверное, из-за расположения здания, деревьев или ещё чего.

— Хорошо, — Каминари отпускает её руку, но продолжает робко прятаться за спиной Кёки. Что, учитывая их разницу в росте, просто не работает.

Мидория хмыкает себе под нос. А потом стучит в дверь в конце коридора.

Ему приходится постучать несколько раз, прежде чем дверь открывается и наружу выглядывает голова Токоями. Тот смотрит на Мидорию. Затем на Кёку и Каминари. На связки офуда в руках Мидории.

— Привет! — Мидория щебечет столь же жизнерадостно, как в тот момент, когда он вошел в парадную дверь общежития. — Меня зовут Мидория Изуку. Могу я попросить твою Тень быть чуточку более сдержанной? А то мне становится сложновато, э-э, маневрировать, понимаешь?

Токоями выходит из комнаты. На его птичьей голове всё ещё красуется шлем виртуальной реальности.

— Меня зовут Токоями Фумикаге. Приношу извинения за помехи. Темная Тень в последнее время особенно нервничает. Он ещё не совсем привык к этому домену.

— Это понятно. Ведь Ночь здесь довольно густая, и думаю, что потёртые края её Ткани были потревожены. Я не ошибся?

— Ты прав. Я полагаю, всё дело в том, кем именно является незваный гость — как ведомо тебе, всё несколько усложняется, поскольку для шёлка нет Пределов и Границ.

— Конечно, — Мидория безмятежно кивает, — вторгшихся, как и любых других доменов, нелегко отличить от Останков. Твоей Тени должно быть некомфортно, я понимаю.

А вот Кёка не понимает ничего.

— О чём, чёрт возьми, они говорят? — с благоговением шепчет позади неё Каминари.

— Кто там, Токоями-кун? — Одзиро выглядывает из двери. У него тоже шлем виртуальной реальности на голове. — Ой! Привет. Здравствуйте.

— Приветик! — щебечет в ответ Мидория.

— Ах, Одзиро-кун, это Мидория, Тот, Кто Вернулся, — гладко переходит к представлению Токоями. — Послание Ада, Бабочка-Монарх, Про́клятый Лучник Развоплощения [3]. — И добавляет: — Мидория-сан, это Одзиро-кун.

Что-то снова гремит в коридоре.

— Приятно познакомиться, — реагирует Одзиро после долгой паузы. — Эм, я просто подожду внутри, Токоями-кун.

Дверь закрывается, и Токоями разворачивается к Мидории:

— Молю, о Про́клятый, поведай, что привело тебя сюда?

— Да без проблем; я должен предоставить Иглу по просьбе вашего директора. Видишь ли, я здесь по работе.

— Ах.

— Я подумал, что держать тебя в курсе — банальная вежливость. Надеюсь, ты и твоя Тень не против.

— Конечно. Желаю тебе всего наилучшего. Я сожалею, что не в силах оказать помощь, но отрадно узнать, что конец нарушениям близок.

— Не беспокойся, я об этом позабочусь. Рад был встретить тебя, Затенённый.

— А я тебя, Проклятый.

Токоями возвращается внутрь и закрывает дверь. А Мидория с той же непринуждённой лёгкостью, с которой кто-то поливает обычный комнатный цветок, лепит офуда на эту самую дверь.

— Теперь, когда с этим разобрались, просто развесьте их на все двери. А, Дзиро-сан, не могла бы ты повесить одну штучку и на окно в конце коридора — да, вот так. Идеально.

Кёка задается вопросом, не съела ли она с утра что-нибудь испорченное.

— Ладно, последний, — говорит Эйдзиро, закрепляя талисман на входной двери. — Не могу поверить, что делаю это. Айзава-сенсей…

— Он заснул.

— Ну конечно, — Эйдзиро смотрит на спальный мешок в углу гостиной. — О Боже.

— Ага, — соглашается Шинсо. — Давай уже пойдём наверх.

— Ладно, — он произносит. И затем: — Демоны ведь не реальны, правда? То есть я не слишком религиозный или там духовный, но типа…

— Да.

— «Да, демоны не реальны» или «да, демоны реальны»?

— Просто, — Шинсо пощипывает свою переносицу (его фирменное движение, подмечает Эйдзиро), — пойдём.

— Остальные ни за что в это не поверят. Мина с ума сойдёт, — замечает Эдзиро, следуя за Шинсо вверх по лестнице. — Вообще-то, Мина взбесится, что пропустила такое.

— Да уж.

На втором этаже безлюдно, но талисманы уже развешены, так что они продолжают подниматься. На третьем этаже талисманов нет.

— Наверное, они наверху, — произносит Шинсо, когда они вдруг слышат слова Каминари, доносящиеся с четвёртого этажа. Голос парня звучит несколько истерично. — Давай развесим эти.

— Я не знал, что тебе нравятся подобные вещи, Шинсо-кун.

— А мне они и не нравятся.

— В этом нет ничего постыдного, знаешь ли, — говорит Эйдзиро, что, кажется, только сильнее раздражает Шинсо. — Например, моя бабушка до сих пор не позволяет мне стричь ногти по ночам и всё такое. И я думаю, девушка моей сестры — ведьма.

— …ладно.

Шинсо, похоже, не собирается поддерживать разговор. Для парня, у которого отменно получается бесить других людей, он довольно молчалив. Однако Эйдзиро это не смущает — наверное, Шинсо просто требуется больше времени, чтобы расслабиться рядом с кем-то. Наполовину шутя, он продолжает:

— Поверить не могу: я сейчас помогаю с экзорцизмом! — не то чтобы он думал, будто это на самом деле реально. К его удивлению, Шинсо останавливается и поворачивается к нему:

— Всё будет хорошо, — произносит он таким застывшим и нервным тоном, что Эйдзиро не понимает, кого он пытается убедить — его или себя. Удивительная искренность его слов почему-то производит обратный эффект и ничуть не успокаивает. — Понимаю, Мидория выглядит чертовски подозрительно, но он знает своё дело…

Шинсо умолкает, потому что всё здание начинает трястись.

— Не волнуйтесь о третьем этаже, Хитоши о нём позаботится. Пойдём выше.

Ладно.

— Похоже, ты хорошо его знаешь?

— Хм? О, Хитоши? Отличный парень, — говорит Мидория, рысью взбегая по лестнице. Судя по тону, он это всерьёз.

— Ха, — произносит Кёка. У неё нет проблем с Шинсо, но ведь любому ежу понятно: с ним сложно общаться.

— Он один из тех парней, у которых, ну, знаешь, действительно Плотное присутствие. Вокруг него пустеет Ткань, — и прежде чем Кёка успевает хотя бы начать расшифровывать цепочку бессмысленных слов, только что выданных Мидорией, тот бодро продолжает: — Вообще-то, он полная твоя противоположность, Каминари-сан!

— Моя противоположность? — Каминари встревожен упоминанием своего имени. — Что ты имеешь в виду?

— Ты один из тех парней, которые Притягивают. Ты им нравишься, знаешь ли. Должно быть, на тебе приятно кормиться.

Они достигают вершины лестницы. Четвертый этаж. Каминари выглядит так, будто вот-вот хлопнется в обморок:

— Кормиться на мне?

— Ну да. Им нравится энергия, а ты ею просто переполнен. Скажи, не чувствуешь ли ты, что тебе постоянно не везёт?

— Да, — мгновенно отвечает Каминари, и его лицо белеет как полотно. — О Боже, Дзиро! Дзиро, я на хрен одержим призраками.

— Перестань тянуть меня, или я сама скормлю твою задницу призракам, — рявкает Кёка, пытаясь освободиться от хватки Каминари. — Это абсурд.

— Да, не так ли? — Мидория хмыкает, прикрепляя талисман к двери Урараки, и направляется к комнате Сёдзи.

— Что мне делать? — Каминари спрашивает, не обращаясь конкретно к кому-то из них. — Я не хочу умирать молодым. — Тупица действительно верит в это дерьмо. Кёка сказала бы Каминари воспользоваться мозгами, если бы те у него были.

— Одержимость не смертельна, — уверяет Мидория. Он сейчас у двери Киришимы. — Только проклятия.

— Хорошо, — говорит Каминари, хотя его тон ясно говорит, что в этом нет ничего хорошего. — Значит, я не проклят, верно?

— Нет, — Мидория размещает последний талисман на двери Бакуго. Некоторое время он смотрит на дверь, все еще держа открытую ладонь на полированном дереве. — Хм-м. По крайней мере, я думал, что нет…

— Ох, чёрт возьми, о Боже, — причитает Каминари.

Кёка закатывает глаза:

— Ты не проклят и не одержим, ты просто тупица.

Мидория убирает руку с двери Бакуго, простодушно им улыбаясь:

— Поднимаемся?

И тут здание начинает трястись.

— Какого… — Каминари взвизгивает.

Несильный, но ощутимый — глухой гул, от которого мурашки расползаются по коже. Первая

мысль Кёки — землетрясение. А её вторая мысль…

— У-у-упс, — говорит Мидория, как будто случайно пролил немного молока. А потом спокойно садится на корточки и достает что-то из кармана толстовки: шарик.

Он кладет шарик на пол.

Тот не двигается.

— Это не землетрясение, — говорит Кёка, чувствуя холод внизу живота. Это точно не оно. Вибрации странные — точнее, вибраций вообще нет. Ее причуда никогда не ошибается. — Какого хрена?

Мидория засовывает шарик обратно в складки толстовки и встаёт рядом с лестницей. Кёка думает, что он собирается спуститься, но мальчик наклоняется и орёт:

— Хитоши! — почему-то странно слышать, как он повышает голос — не слишком-то согласуется с его внешностью.

Нет ответа.

Перестук, гул всё ещё чувствуется, как будто они на каком-то аттракционе в парке развлечений… или на шатком полу из папье-маше…

— Ясно, — произносит Мидория себе под нос и затем обращается к ним обоим: — Ну, незачем волноваться! Идём наверх.

Тряска прекращается почти сразу.

— О, — после паузы сообщает Шинсо, — началось.

— Что началось? — Эйдзиро слегка паникует. — Разве это не землетрясение? Мы должны сказать им…

— Киришима…

Эйдзиро в мгновение ока взлетает вверх по лестнице.

Там никого нет.

«Они, наверное, на пятом этаже», — решает Эйдзиро, но что-то противоестественно скручивается у него в животе. — Каминари? — кричит он со ступенек. — Дзиро?

Нет ответа.

И разве это не чертовски странно?

«Может быть, они на крыше, — думает Эйдзиро. — Может быть…»

— Их здесь нет.

Эйдзиро оборачивается:

— Что ты имеешь в виду?

Шинсо, похоже, сам не знает, как объяснить:

— Они находятся не в том здесь, которое здесь. Или, может быть, просто мы не там. Чувак, я тоже не знаю, как это работает… Слушай, Ткань собирается Складками. Мы — или они — уже какое-то время находимся на Другой Стороне. По крайней мере, так он это называет.

— Какого хрена? — Эйдзиро смотрит на Шинсо как на безумца.

— Да, знаю, — вздыхает тот.

— Какого хрена? — говорит Кёка. Ткань? Складки? Другая Сторона? О чем, чёрт возьми, твердит этот парень?

Что за хренова чушь из «Гарри Поттера»?

— Ладно, всё готово, — сообщает Мидория, размещая последнюю офуда на дверь Тсую. — Вот, это тебе, Каминари-сан.

Каминари, хотя и выглядит так, будто вот-вот обмочится, ловит брошенную в него вещь. Это небольшой защитный амулет, который можно раздобыть в храме, свекольно-красный.

— Это… омамори? [4]

— Яку-ёке [5], на всякий случай, — поясняет Мидория. — Я же говорил: тобой приятно кормиться. Ты им нравишься.

— Ох, чёрт побери…— стонет Каминари

Странная несуществующая вибрация всё ещё чувствуется. Кёке это не нравится. Ей не нравится, что она может это чувствовать, но не ощущать. Ей не нравится чувствовать то, Чего Не Существует. И в воздухе нечто странное… как будто… как будто…

— Что, черт возьми, происходит? Это твоя Причуда?

— Нет, — впервые за весь вечер Мидория выглядит удивлённым.

— Чушь собачья, — не верит Кёка, хотя ровное сердцебиение Мидории и говорит ей об обратном. — Прекрати это — чем бы оно ни было…

— Я не могу, — прямолинейно, но отнюдь не любезно, говорит Мидория. — Пока не могу. Где выход на крышу?

— Ты… — Кёка стискивает зубы. Её Причуда говорит ей: что-то не так на фундаментальном уровне. В воздухе ничего нет, ничего за стенами — их словно телепортировало в картонной коробке в космос. — Я совсем не чувствую… Я не чувствую здания. Куда ты нас притащил?

Что это за безумная Причуда такая? Которая может изменить измерение и пространство…

— У меня нет такой Власти, — отвечает Мидория. Его глаза большие и какие-то тускловатые. Он повторяет: — Где выход на крышу?

— Здесь, — говорит Каминари, и, судя по его взгляду, он потрясен не меньше Кёки.

— Сойдёт. Пошли.

Каминари переглядывается с Кёкой.

Мидория вздыхает — и эта дурацкая улыбка сползает с лица впервые с момента его появления.

— Послушайте, — его голос не злобный, но невыносимо нейтральный до холодности, — вы можете остаться в полном одиночестве на неизведанной территории, там, где я не могу гарантировать ваше существование, или же вы можете последовать за мной туда, где я буду на это способен. Всё совершенно безопасно, знаете ли. Иначе ваш директор не платил бы мне за это.

Наступает тишина, и Кёка понимает, что он ждёт ответа.

«Гарантировать ваше существование». Что, во имя зловещего ада, это должно означать?

— Ладно, — наконец произносит Кёка, пытаясь игнорировать тревожный сигнал, сообщающий ей: что-то не так, не так, не верно. — Но не мог бы ты хоть что-нибудь объяснить?

— Если это поможет тебе спокойно спать по ночам, — улыбка возвращается на его лицо.

Мидория без особых усилий открывает люк. Он помогает подняться на крышу сначала Каминари, а затем Кёке.

Выпрямляясь, Кёка слышит сдавленное «чёрт возьми…» Каминари. А потом она…

Она уже бывала на крыше; они устроили вечер барбекю в первые выходные после переезда в общежития. Оттуда было видно всю территорию UA и даже станцию, на которой она обычно делает пересадку по дороге к родне. Можно было рассмотреть даже горы на горизонте.

Теперь же за краем крыши абсолютно ничего нет.

Это Пустота с большой буквы. Нет другого способа описать это. Оно даже не чёрное — оно Бесцветное. Что-то, что её мозг не способен осознать. Это просто Ничто.

Как будто всё здание — как будто они — просто глюк в игре.

— О, хорошо, — довольно говорит Мидория. — Офуда сработали.

— Я не понимаю, — Каминари ошеломлён. — Я не…

— Мне нужно было запереть его, — объясняет Мидория так легко, как будто он ведёт разговор о погоде. — Или оно бы не показалось.

Прежде чем Кёка успевает что-либо сказать, Нечто происходит.

Кёка называет это Нечто, потому как не в силах постичь, что именно происходит.

Но есть какое-то биение, и тогда вибрация прекращается… а затем в душе Кьёки появляется зияющая дыра, которая сообщает ей: вообще со Всем что-то в корне не так и неверно. Как будто она лишь капля масла в миске с водой. Как будто она единственная точка ошибки в метрическом коде Вселенной. Это знание ревербирует внутри нее, будто самая рассинхронизированная музыка, ноты которой были вытравлены на отпечатке её кожи.

А потом Оно появляется.

(Демоны не настоящие.)

Оно проскальзывает сквозь Ничто к крыше. Всё, к чему Оно прикасается, рушится и разваливается, как удаленный пиксель в сети, — уходит в Ничто, в Пустоту, которая когда-то была зданием и структурой общежития, разъедая кирпич за кирпичом, пока не останется ничего, кроме осколков того плана бытия, на котором стоят Кёка, Каминари и Мидория.

И Кёка каким-то образом знает, что в этом нет ничего неправильного. Нет ничего неверного в том, что Оно находится Здесь. Нет ничего неправильного в Разрушении Всего. Потому что это Его Домен, Его Место, а кёка [6] — всего лишь нарушитель. незваный гость. неверный код. неправомочное существование, и она должна просто исчезнуть потому что это Его место и Его план и кёка не должна быть здесь и она не должна существовать и она должна просто…

— Привет, — говорит Мидория, шагнув между ними, Этим и морем Небытия вокруг. — Меня зовут Мидория Изуку. Прошу прощения, что вот так заставил тебя выйти.

А потом Мидория отставляет ногу в сторону. Кёка не сразу понимает, что он делает. Руки Мидории пусты, но его левая рука сжата в кулак параллельно телу.

(Как будто он что-то держит.)

А правая рука Мидории поднята, натягивая несуществующую тетиву.

На мгновение Кёке кажется, будто она слышит речь Этого. Что-то не поддающееся расшифровке. Что-то, что её барабанные перепонки не способны уловить, а мозг не способен обработать.

— А, ну, видишь ли, — отвечает на это Мидория. — Мы существуем. Ты — нет.

Он выпускает стрелу, которой никогда не было, и реальность сворачивается, словно шёлк.

— Ты знаешь? — повторяет Эйдзиро. Шинсо почти беспомощно пожимает плечами. — Что это вообще должно оз… нет, знаешь что…

Эйджиро поворачивается и мчится вверх по лестнице на пятый этаж и…

— Уф-ф, — спускающийся по ступенькам Мидория выглядит удивлённым. — Осторожней там. Чуть тебя не проглядел.

Эйдзиро моргает.

— Закончилось? — спрашивает Шинсо позади него.

— Агась, — беззаботно кивает Мидория, минуя Эйдзиро. — Ну, вот моя работа и сделана.

Эйдзиро переводит взгляд на Дзиро и Каминари позади него. Те выглядят так, будто только что увидели призрака.

— Думаю, я собираюсь вытошнить свой обед, — сообщает Каминари, пробираясь мимо Эйджиро — предположительно направляясь в свою комнату на третьем этаже, чтобы именно этим и заняться.

— Что… что случилось? — спрашивает запутавшийся Эйдзиро.

Дзиро некоторое время смотрит на него.

— Понятия не имею, — наконец мрачно произносит она. — Но это была самая ебанутая вещь, которую я когда-либо видела.

— Что?

Дзиро не уточняет. Она спускается вниз и кричит:

— Мидория! Да подожди ты!

Эйдзиро чувствует, будто упустил нечто действительно важное. Он поворачивается к Шинсо:

— Погодь, так демоны на самом деле реальны?

— Не смотри на меня, — говорит Шинсо. — Чувак, поверь мне — тебе повезло, что ты этого не застал. Для тебя всё закончилось наилучшим образом.

Эйдзиро немедленно устремляется вниз.

Он находит Мидорию, пакующего рюкзак в гостиной, и Айзаву-сенсея, стоящего у двери с таким видом, словно он предпочёл бы оказаться где угодно, только не здесь. Дзиро… ну, похоже, она достаёт Мидорию, пока тот собирает вещи.

— Подожди, — говорит Дзиро, и Эйдзиро действительно думает, что она выглядит не совсем нормальной. — Ты обещал всё объяснить.

— А разве я не объяснил? — отвечает Мидория, спокойный, как воды стоячего пруда. — План сработал, оно исчезло, а мне заплатят. Та-да!

— Какой план?

Мидория бросает на неё странный взгляд, как будто она намеренно тупит.

— Ну, знаешь, без тебя и Каминари-сан я бы не справился. Где он, кстати? Мне действительно стоит его поблагодарить.

— Но мы ничего не сделали. — Дзиро пялится на него.

— Нет, — Мидория безучастно смотрит на неё огромными тускло-зелёными глазами, — вы сделали всё как надо. О, Каминари-сан. Спасибо за помощь.

Слегка позеленевший Каминари, спотыкаясь, спускается с лестницы.

— Ты, — говорит он Мидории. — Ты, сволочь! Это было худшее, что я когда-либо испытывал. А я чуть не умер, знаешь ли, аж дважды. Но это, это было… это было самое худшее…

— Что «это»? — спрашивает Мидория.

— Издеваешься, что ли? Это, это… — Каминари запинается. — Это, ну…

— Не волнуйтесь, — Мидория мягко улыбается. — Вы забудете.

— Забудем? — повторяет Дзиро. — Как вообще можно за… — она останавливается. — Какого хрена.

— Погоди, так что там произошло? — Эйдзиро больше не может этого стерпеть. — Там был настоящий демон? Какого хрена?

— Там был… — Дзиро осекается и опускается на диван. — Было что-то… то есть мне кажется? Почему…

— Ваш мозг не может с этим справиться, — говорит Мидория. — Вернее, он не может этого обработать. В результате того, что случилось, — не было. Таков способ самозащиты вашего подсознания, поэтому данный опыт и не травмирует! Теоретически то есть. И никаких проблем!

Дзиро глазеет на него со смесью ярости и благоговения:

— Я не понимаю вообще ни фига из того, что ты когда-либо мне говорил.

— И это только к лучшему. — Мидория пожимает плечами. — Но спасибо за помощь. Особенно тебе, Каминари-сан! Отличная работа.

— Мне? — Каминари на мгновение кажется сбитым с толку, а затем: — Подожди, подожди. Ты кое-что говорил. Кое-что о… кормлении…

— Ах да, — соглашается Мидория. — Дело в твоей Причуде.

— Что?

— Твоя Причуда. Электричество. Энергия. Они питаются энергией. Вот почему ты им нравишься.

«Ты идеален», — говорил Мидория. Каминари, похоже, сразу врубается:

— Ты использовал меня, — выпаливает он в ужасе. — Я был… приманкой?

— Знаешь, старая добрая наживка и крючок, — пожимает плечами Мидория. — Работает точно по волшебству.

— Что…

— Я всё ещё не понимаю! — вмешивается Эйдзиро, но его по-прежнему игнорируют.

— А офуда! — восклицает Дзиро, снова вскакивая на ноги. — Они хоть что-нибудь значили?

— Конечно, — говорит Мидория. — Видите ли, офуда были замком, они были… решётками темницы. Чтобы оно не сбежало. Гораздо проще удержать его снаружи, чем внутри.

— Что ещё за «оно»? — Эйдзиро отчаянно нуждается в том, чтобы хоть кто-нибудь ввёл его в хренов курс дела.

Мидория какое-то время смотрит на него:

— О, да, — снова заговаривает он, слегка заторможено, как будто забыл упомянуть об этом. — Вы не одержимы, вы, ребята, прокляты. Я обсужу это с Незу позже, не волнуйтесь.

И тишина.

— Что? — произносит Эйдзиро, потому что как, черт побери, Мидория продолжает давать ответы, которые вызывают всё новые и новые вопросы?

— Думаю, я наконец разобрался, — продолжает Мидория, как будто он объясняет физику на уроке. — Видите ли, Незу считал, что всё дело в локации. В этом здании. Он ошибся.

— Подождите, так чем же было… то, о чём вы трое говорили?

— Хм. Если хотите, можете называть его демоном, — говорит Мидория. — Точнее, это проявление вашего проклятия. Во всяком случае, одно из проявлений. Мне просто пришлось его отогнать, вот и всё.

— Так с этим… — Каминари снова зеленеет. — Так с этим покончено, верно?

— Ох, нет, — говорит Мидория, а затем смотрит на Каминари как на дурака. — Оно вернётся, вот увидишь. Вернее, воссоздастся. Ведь то была не проблема, то был симптом. Проблема в вас, ребята.

— Проблема в нас? — повторяет Дзиро. — Уточни это «нас». Типа Каминари? Каминари и я?

— Эй!

— Это все вы, — Мидория качает головой. — Вы и ваши одноклассники. Класс 1-А. Все вы прокляты.

Молчание.

— Нет, — говорит Джиро. — Быть того не может.

— О да, ещё как может. Посмотрим, — говорит Мидория почти материнским тоном, как будто он врач, ставящий диагноз пациенту. — Не попадали ли вы в какую-нибудь — или более чем одну — опасную для жизни ситуацию за последние шесть месяцев?

Они смотрят друг на друга. И тогда Каминари произносит мягко и с чувством: «Бля».

— Но мы — герои на обучении, — несколько недоверчиво говорит Эйджиро. — Верно? Для нас это норма, нет ничего странного…

— …Что вы чуть не умерли? — сухо интересуется Шинсо. — Несколько раз? Извините, что разбиваю ваши иллюзии, но это не универсальный опыт.

— Подожди, если весь 1-А проклят, то это значит, включая и тебя? — говорит Каминари, и все смотрят на Шинсо, который в свою очередь тут же смотрит на Мидорию. Тот некоторое время пялится на Шинсо.

— Хм, трудно сказать. Может, для этого нужно время.

— Время для чего? Заразить меня? — Шинсо выглядит так, будто собирается в буквальном смысле сбежать. — Да ну на хрен. Может, мне перейти в 1-В или что-то в этом роде?

— Проклятия не заразны, — говорит Мидория, как будто это должно его убедить. — Что ж, мне пора идти. Спасибо за пиццу.

— А ну, погоди, — Каминари фыркает. — Ты что, собираешься просто уйти? А как насчет нашего проклятия и прочей хрени? Мы умрём?

— Ты сам сказал: проклятия смертельны, — у Дзиро напряжённый тон, — не так ли?

— Я так и сказал, — соглашается Мидория, убирая кисть и чернила. — Но они не всегда смертельны, они просто могут быть смертельными. И в любом случае, наличие рядом такого парня, как Хитоши, очень поможет, а потому я уверен: всё с вами будет в порядке.

— Не смотрите на меня, — неловко говорит Шинсо, а в сторону Мидории шипит: — Прекращай.

— Но это же верно! Как я уже сказал, Хитоши по-настоящему Плотный, понимаете ли…

— Не обзывай меня так! [7]

— …если вы будете держаться рядом с ним, это как бы, хм-м, отменит всё нехорошее, я полагаю? Ну и я уверен, Незу собирается что-то с этим сделать, поэтому не беспокойтесь.

— Постой секунду, — умоляет Эйдзиро. Он смотрит на Шинсо, а затем на Айзаву-сенсея, который, кажется, находит разговор лишь немногим более стимулирующим, чем наблюдение за растущей травой. — Так всё взаправду? Проклятия и демоны существуют? Это слишком большой экзистенциальный кризис для курса Героики, вам не кажется? Если это розыгрыш, если вы разыгрываете меня, я вас умоляю, ребята, просто унизьте уже меня немедленно.

Мидория наклоняет голову и смотрит на него:

— Я понимаю, в чём заключается проблема, Киришима-сан, — Эйдзиро впервые не видит улыбки на лице Мидории. — Почему бы тебе не думать об этом как о Причуде? У кого-то есть намерение уничтожить вас всех. У него есть некая Причуда, и она проявляется в метафизических формах, которые вы, возможно, не в состоянии понять, — улыбка возвращается, как будто по щелчку переключателя. — Ну что, так лучше?

Эйдзиро даже не знает, с чего начать возражения.

Айзава-сенсей вздыхает, не двигаясь с места.

— У нас нет на это времени, — прямо заявляет он. — Я провожу Мидорию обратно. Вы можете поделиться этой информацией со своими одноклассниками, если хотите, а можете и не делиться — мы предоставим вам полную информацию к завтрашнему дню. И, конечно же, мы намерены обеспечить абсолютную безопасность всем нашим ученикам и добьёмся этого, — пауза. — Если у вас возникнет экзистенциальный кризис или появятся какие-то вопросы, касающиеся таких вещей, как загробная жизнь и бог, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не приходите с ними ко мне, а вместо этого позвоните своим родителям или опекунам. На этом всё.

Четыре школьника пялятся.

— Что ж, было приятно познакомиться со всеми вами, — Мидория вскидывает на плечи огромный рюкзак и весело машет им рукой. — До встречи!

Хлопает входная дверь. Когда хлопок стихает, Каминари заявляет:

— Это был пиздец. Это был такой пиздец!

— Ну, — неловко объявляет Шинсо, пытаясь улизнуть, поджав хвост, — я иду спать…

— О нет, никуда ты не идёшь, — шипит Дзиро, дергая Шинсо за рубашку сзади. — Выкладывай всё, что тебе известно. Вплоть до статистики.

— Расскажи нам, — просит Эйдзиро. – Я буквально понятия не имею, что за хрень вообще случилась.

— Я чувствую, будто испытал что-то ужасно фундаментальное, связанное с самой природой Вселенной, — безразлично бубнит Каминари. — И я даже ничего из этого не помню. Как если бы я забыл сохранить игру перед битвой с финальным боссом. Знаете, на что это похоже? На абсолютную агонию.

— Что вы хотите узнать? — вздыхает Шинсо.

— Всё.

— Что за хрень я увидел?

— А что вы помните? — Шинсо потирает свой загривок.

— Лестница, — хмурится Дзиро. — А потом… люк… и потом…

— Несотворённое, — говорит Каминари.

— Бесцветное, — подхватывает Дзиро.

— То, Чего Никогда Не Было.

— Место, Которого Не Будет.

— Какого хрена? – говорит Эйзро.

Шинсо снова вздыхает, на этот раз тяжелее:

— Да, именно это вы и видели. Вы не запомните этого. Просто не сможете. Это как пытаться перелить океан в чашку или пытаться установить новейшую Final Fantasy на компьютер с четырьмя гигами оперативки.

— Ладно, — Эйдзиро несколько раздражён, — я понимаю, вы пережили какой-то космический ужас и так далее, но серьезно. Это всё правда?

Дзиро, Каминари и Шинсо переглядываются.

— Не знаю, — говорит Шинсо.

— Возможно, и правда, — реплика Каминари.

— А может, и нет, — ему вторит Дзиро.

— Полный отстой, — подытоживает Эйдзиро.

— Привет, ребята! — говорит Мина, врываясь в гостиную через несколько минут. За ней следуют Цую и Урарака. — Ого, с чего такое настроение?

— Вы не поверите, что сейчас произошло, — говорит Эйдзиро, который валяется на полу.

— Мы прокляты, — сообщает Каминари, распростёртый с ним рядом.

Дзиро вообще не отвечает, она лежит на диване ничком.

— А что за бумажки на дверях? — смущенно интересуется Урарака. — Офуда?

— На них написано просто «отъебись», — читает Цую.

— Итак, на этом всё, — Незу завершает свою информативную речь. — Вы в великой и смертельной опасности. Но не волнуйтесь, мы обеспечим вашу безопасность любой ценой. Есть вопросы? Да, Серо-кун?

— Это шутка?

— Боюсь, что нет. Следующий. Иида-кун?

— Могу ли я спросить, на чём основано предположение, будто эта гипотетическая неестественная сила подвергнет нас опасности, ведь, по словам физика Горация Барлоу, «если человеческий мозг действительно может получать сообщения и управлять вещами способами, которые не могут получить нормального объяснения, то это подрывает веру…»

— Ты можешь зайти в мой офис позже, если хочешь обсудить этот вопрос подробнее, Иида-кун.

— Да, сэр.

— Кто-нибудь ещё? Да, Кода-кун?

«Можно ли по-прежнему содержать питомцев в общежитии?»

— Да, можно. Что ж, если все остальные до сих пор чрезмерно поглощены состоянием недоверия и потому не могут собраться с мыслями, то я представлю нового временного члена вашего класса. Он зачислен не кем иным, как мною, дабы помочь UA в обеспечении вашей безопасности.

— Боже мой, — ужасается Шинсо Хитоши с конца класса.

— Всем привет, я Мидория Изуку! Как бы то ни было, я буду околачиваться с вами по просьбе Незу, может быть, до конца семестра? Кто знает, но давайте поладим до этих самых незнамо каких пор!

— Деку?

— О, приветик, Каччан, — здоровается Мидория с неизменной улыбкой на лице. — Давно не виделись.

[1] Офуда. Рукописный талисман из синтоистского храма, чаще всего из бумаги или ткани, его вешают в доме – на дверь, столб, балку или стену и так далее – в качестве оберега. На нём обычно начертаны имена или символы богов, а не то, что Изуку малюет.

[2] На кандзи – т. е. иероглифами.

[3] Undone может также можно перевести как «Несотворённое, Нетва́рное», однако, учитывая контекст применения лука Мидорией в этой и следующих главах, мне кажется, что «Развоплощение» подойдёт больше.

[4] Омамори. Защитный амулет.

[5] Яку-ёке. Небольшой, где-то с пол-ладони, амулет, обычно картонный в плоском парчовом мешочке с декоративным узлом-бантиком в китайском стиле и шнурком для подвешивания, который можно приобрести в японском храме. Предназначен для защиты от неудачи, отрицательной энергии, демонов и так далее.

[6] Имя и некоторые другие слова после точки тут написаны со строчной буквы специально, как и в оригинале, для подчёркивания ощущения ничтожности. Знаки препинания исчезают по схожей причине (а не потому, что переводчик их потеряла): представьте себе при прочтении скороговорку задыхающихся мыслей.

[7] На английском языке dense может означать и «плотный», и «тупой, глупый», то есть Хитоши, не понимая, что Изуку имеет в виду, просит не называть его тупицей.

Примечание автора к главе:

«Это так и будет продолжаться? Кто знает, но пока я писал всё, что, чёрт возьми, мне в голову взбрело».

Перевод: Сэголь

Иллюстрация ниже нарисована автором фанфика, ijustwanttodestroy.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/75069/2124547